

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615

EDN: OSAIRD

УДК [811.161.1:811.133.1:811.512.37]’373

Научная статья / Research article

ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале паремий русского, французского и калмыцкого языков

Н.Ю. Нелюбова¹ , О.В. Ломакина¹ , С.В. Мирзаева²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Калмыцкий научный центр РАН,
358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. И.К. Илишкина, 8

 rusoturisto07@mail.ru

Аннотация. Паремиологический фонд языка эксплицитно или имплицитно выражает информацию о системе ценностей народа. Исследование посвящено описанию труда как ценности европейских и азиатских народов на паремиологическом материале. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа аутентичных словарей паремий были выделены основные семантические доминанты русских, французских и калмыцких паремий о труде, а также языковые средства репрезентации данной ценности, обусловленные как универсальными чертами, так и спецификой изучаемых лингвокультур. Путём сплошной выборки из опубликованных и рукописных паремиографических источников была составлена авторская картотека, насчитывающая около 1000 единиц. Наиболее репрезентативные примеры послужили иллюстративным материалом исследования, при описании которого использовался описательно-аналитический метод, а также получившие в последние годы теоретическое обоснование лингвоаксиологический и лингвокультурологический методы. Сопоставительный анализ показал, что в трех лингвокультурах доминирует положительное отношение к труду, который представляет собой ценность, противопоставляемую лени и безделью, выступающих в паремиях как антиценности. В качестве основных аксиологических доминант были установлены следующие: связь труда и жизни в достатке, необходимость стараний и усилий в труде, оценка трудовой деятельности по ее результатам. Важная функция принадлежит компонентам паремий, связанным с трудом (наименования профессий и рода занятий, атрибутов труда, обладающих определенной символикой), посредством образов передаются модели поведения человека. Упоминание данных компонентов связано с развитием разных видов трудовой деятельности, которые были развиты в период создания паремий. Во французских паремиях акцент делается на том, что труд — ценность, приносящая материальный достаток, в них ценится индивидуальный труд, а не коллективный, что связано с направленностью европейской

© Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

французской культуры, относящейся к индивидуалистскому типу, что совершенно не является характерным для евроазиатской русской и азиатской калмыцкой культур. Среди аксиологических маркеров были выделены средства разных языковых уровней: особая ритмическая организация текста; лексемы с оценочной семантикой; прием повтора и использование контраста, позволяющего, в частности, выразить сценарии поведения через антисценарии, специфические грамматические конструкции. В русских поговорках к средствам выражения оценки можно отнести имена собственные с суффиксом субъективной оценки *-к-*, во французском и калмыцком материале такие аксиологические маркеры отсутствуют, что связано с типологическими особенностями рассматриваемых языков.

Ключевые слова: лингвоаксиология, поговорка, поговорка, русские поговорки, французские поговорки, калмыцкие поговорки

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН. Исследование частично проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-78-10152 «Корпус старокалмыцких текстов на «ясном письме» на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия».

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2023

Дата приема в печать: 15.05.2023

Для цитирования:

Нелиубова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале поговорок русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs

Natalia Yu. Neliubova¹ , Olga V. Lomakina¹ , Saglara V. Mirzaeva²

¹RUDN University,

6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198

²Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

8, Ilishkina Str, Elista, Kalmyk Republic, 358000

 rusoturisto07@mail.ru

Abstract. The paremiological fund of language either explicitly or implicitly expresses information about the value system of the people. The study is devoted to the description of labor as a value of European and Asian peoples on the basis of paremiological material. The novelty of the study lies in the fact that, proceeding from the analysis of authentic dictionaries of proverbs, the main semantic dominants of Russian, French and Kalmyk proverbs about labor were identified, as well as linguistic means of representing this value, due to both — universal features and the specifics of the studied linguistic cultures. Through a continuous selection of published and handwritten paremiographic sources, the author's card file was compiled, numbering about 1000 items. The most representative examples served as illustrative material for the study, in the description of which the descriptive-analytical method was used, as well as the linguo-axiological and linguo-culturological methods which have received theoretical justification in recent years. Comparative analysis showed that in the three linguistic cultures

a positive attitude towards labor dominates, which is a value opposed to laziness and idleness, which act as anti-values in proverbs. The following were established as the main axiological dominants: the connection between work and life in abundance, the need for effort and effort in work, the assessment of labor activity based on its results. An important function belongs to the components of proverbs related to labor (names of professions and occupations, attributes of labor that have certain symbols), through images, models of human behavior are transmitted. The mentioning of these components is associated with the development of various types of labor activity that were developed during the creation of proverbs. In French proverbs, the emphasis is made on the fact that labor is a value bringing material wealth, they value individual labor, and not the collective one, which is associated with the orientation of European French culture, belonging to the individualist type, being not at all the characteristic of the Eurasian Russian and Asian Kalmyk cultures. Among the axiological markers, the means of different language levels were singled out: a special rhythmic organization of the text; lexemes with evaluative semantics; the reception of repetition and the use of contrast, which allows, in particular, to express scenarios of behavior through anti-scripts, specific grammatical constructions. In Russian proverbs, proper nouns with the suffix of subjective evaluation *-к-* can be attributed to the means of expressing evaluation; in French and Kalmyk material, such axiological markers are absent, due to the typological features of the languages under consideration.

Keywords: linguistic axiology, proverb, paremia, Russian proverbs, French proverbs, Kalmyk proverbs, labor

Financing. Acknowledgement:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022. The study was partially funded by Russian Science Foundation, project № 22-78-10152 “Corpus of Old Kalmyk Clear Script Texts on the Lingvodoc Linguistic Platform: New Approaches to the Digitization of Written Heritage”.

Article history:

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.05.2023

For citation:

Neliubova, N.Yu., Lomakina, O.V. & Mirzaeva, S.V. (2023). LABOR in the Paradigm of the Values of European and Asian Peoples: on the Basis of Russian, French and Kalmyk Proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 595–615. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-595-615>

Введение. Постановка проблемы

В последние десятилетия сравнительно-сопоставительные исследования в основном предполагают описание языковых единиц на предмет определения общего с другими языками и специфического (прежде всего национально маркированного), особенностей использования в текстах различной функционально-стилистической направленности [1–3]. Вместе с тем в основе подобных исследований традиционно лежал сравнительный подход, применяемый к родственным языкам и опирающийся на их системные свойства [4].

Системность как черта представителей Московской фонологической школы была характерна и для работ А.В. Широковой. В трудах А.В. Широковой сопоставительное исследование разноструктурных языков проводится на фонологическом и морфологическом уровнях с опорой на идеи Московской фонологической школы. Стержневым принципом описания является морфологический

критерий. Анализ проведен на обширном языковом материале, охватывающем не только языки одной группы и их эволюцию [5], но и различные языки в пределах индоевропейской семьи, где одной из главных типологических черт является целостность слова в отличие от языков агглютинативного типа [6–8].

Под влиянием традиций компаративистики, фактически официально одобренной лишь в сер. XX в., сегодня активно изучаются связи родственных и неродственных языков [9; 10], а также развиваются такие новые направления языкознания, как сравнительно-сопоставительная лингвоаксиология и лингвокультурология [11–13], причём нередко исследователи привлекают материал разноструктурных языков [14; 15].

Сравнительно-сопоставительная аксиопаремиология [16] опирается на постулаты лингвоаксиологии и ставит целью выделение ценностных констант и семантических доминант паремиологических фондов языков, при этом материалом исследования нередко становятся паремиографические издания, построенные по тематическому принципу [11].

Цель исследования — описать *труд* как ценность в паремиологии неродственных русского, калмыцкого и французского языков, представив семантические доминанты, позволяющие, во-первых, представить место данной ценности в иерархии ценностей определённого народа, во-вторых, определить универсальное и национально-специфическое в понимании труда и отношения к нему. Выбор трёх разных лингвокультур, отличающихся как вероисповеданием их представителей, заложенных в религиозных кодексах, влияющих на систему норм и запретов, так и типом самой культуры (евроазиатская русская, азиатская калмыцкая, европейская французская)

Методология исследования

При анализе эмпирического материала использовался традиционный описательно-аналитический метод, а также получившие теоретическое обоснование в последние годы лингвоаксиологический и лингвокультурологический методы. Данная статья продолжает работы авторов по комплексному изучению паремиологических систем разноструктурных языков и опирается на понимание паремиологии как раздела лингвистики [17–20], лингвокультурологического описания паремий как одного из аспектов сопоставительной паремиологии [20–22] и аксиопаремиологии как направления лингвоаксиологии [16; 23].

Материал исследования

Авторская картотека собрана приёмом сплошной выборки из опубликованных и рукописных паремиографических сборников русского, калмыцкого и французского языков. Для иллюстрации основных семантических доминант и характеристика труда как ценности отобрано около 1000 пословиц.

Сборник «Народная мудрость» (2011) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [24] создан по тематического принципу и является своего рода «дайджестом» более известного «Большого словаря русских пословиц» (2010) В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой, включающего около 70 тыс. паремий. Рубрика «Труд и безделье» представляет дихотомические понятия для русского языкового сознания и включает 683 паремии.

Из французского словаря пословиц и поговорок «Dictionnaire de proverbes et dictons» F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni (2006) [25] был взят интересующий нас раздел пословиц, выстроенный по тематическому принципу и включающий 2141 единицу, где пословицы о труде представлены в рубриках «Le travail de la terre» (земледелие) — 89 пословиц и «Métiers et monde du travail» (ремесла и мир труда) — 47 пословиц.

Калмыцкий фонд анализируемых паремий составил 185 единиц: здесь привлекался фольклорный материал, зафиксированный среди донских калмыков в 90-е гг. XIX в. собирателем калмыцкого фольклора И.И. Поповым, поскольку он записан на «ясном письме» (тодо бичиг) и входит в базу данных старокалмыцких текстов, создаваемую в рамках научного проекта РФФ «Корпус старокалмыцких текстов на „ясном письме“ на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия». Рукописный труд И.И. Попова под названием «Пословицы и поговорки донских калмыков», опубликованный Д.В. Убушиевой и др., включает 185 образцов в записи на тодо бичиг и переводе на русский язык [26. С. 102–137]. Отдельную ценность представляют также включенные в приложения к данному изданию примечания И.И. Попова, в которых приводятся кириллические транскрипции калмыцких текстов, объяснения значений отдельных слов, в некоторых случаях — толкования смысла паремий, возможно, записанные им со слов информантов [26. С. 232–266]. В современном издании пословицы сгруппированы по тематическим разделам, в ином порядке, чем в авторской рукописи, поэтому нумерация текстов двойная и в скобках приводится номер согласно рукописи И.И. Попова.

История вопроса

До 90-х гг. XX в. в лингвистических работах паремии традиционно рассматривались как малый жанр фольклора. В постсоветской России в связи с активной работой Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов начался расцвет фразеологии и выделение паремиологии и крылатологии как самостоятельных лингвистических направлений. Данная тенденция отразилась не только на изучении и монографическом описании русской паремии и — шире — славянских, балтийских, германских, романских языков, но и национальных паремиологических систем России. Монографические исследования Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семеновки паремиологического

фонда русского языка, а также создание и публикация полного свода пословиц [27] во многом определили вектор комплексного описания паремиологических единиц в трилогии «Паремиология в дискурсе» [28], «Паремиология без границ» [29] и «Паремиология в диалоге языков и культур» [30].

Монографического исследования французских и калмыцких паремий нет, однако существуют отдельные публикации, характеризующие паремиологический фонд французов [11; 31; 32–35] и калмыков [36–39].

Преломление теории ценностей в языке опирается на поиск значимости (как положительной) конкретного понятия, его место относительно нормы. Описание системы ценностей на языковом материале паремий может проводиться в нескольких направлениях: на основе инвентаризации языковых единиц с учётом словарного материала, анкетирования или на материале текстов различной жанрово-стилистической дифференциации [16].

Ценностная диада *труд — лень* занимает определённую семантическую нишу в разных культурах вне зависимости от вероисповедания народа, что находит отражение в пословицах разных народов. В русском языковом сознании, начиная со Средневековья, труд «осмыслялся как мученический подвиг <...>, поскольку он был связан с тяжестью и страданием от прилагаемых усилий» [40. С. 289]. Впоследствии «труд для русской лингвокультурной общности стал важнейшим фактором, определяющим мировидение и миропонимание — принципом культуры» [41. С. 15].

Русские и французские пословицы о труде рассматривались в сопоставительном аспекте: русские и французы «осуждают праздный образ жизни, безделье, которое разрушает представление о благополучной и счастливой жизни, лень, которая приводит к бедности и несчастной жизни» [42. С. 9]; во французском языке положительная оценка труда «выражена в большей степени косвенными средствами и характеризуется меньшей назидательностью, чем в русском» [43. С. 169]. Пословицы о труде как одной из ценностей калмыцкой лингвокультуры рассмотрены Б.Б. Горяевой, которая делает вывод о том, что в традиционном восприятии калмыков труд расценивается как основа человеческого благополучия и первостепенная жизненная необходимость [36. С. 155].

Труд как ценность: семантические доминанты и аксиологические маркеры русской, французской и калмыцкой паремии

В анализируемом фонде русских пословиц при характеристике труда как ценности основную смысловую нагрузку, наряду с одноименной лексемой: *Поле труд любит* [24. С. 369], несут понятия *дело*: *Всякое дело мастера боится* [24. С. 362]; *Дело учит, и мучит, и кормит* [24. С. 363], *работа*: *Работа и мучит, и кормит, и учит* [24. С. 369], *Работа мастера*

любит [24. С. 369]. Антиномией труда как в языке, так и в пословичном фонде выступает лень и безделье: *Дела с бездельем не смешивай* [24. С. 363], *Лень к добру не приставит* [24. С. 383], *Человека лень не кормит, а здоровье только портит* [24. С. 386].

В русской лингвокультуре доминирует положительное отношение к труду: *Никогда никакой труд не позорен* [24. С. 368], *Труд всё побеждает, Труд всё преодолагает, Человек познаётся в труде* [24. С. 371]. Подобная семантика передаётся при помощи биномов *труд — счастье: Где труд, там и счастье* [24. С. 362].

Труд благословляется Богом: *Об ленивом рабе и Бог не печётся* [24. С. 384], *Делай дело — Божье своё само сделается* [24. С. 363].

По труду можно судить о человеке: *Сталь познаётся в огне, а человек в труде* [24. С. 370].

Успех дела зависит от стараний: *Хорошо трудиться — хлеб уродиться* [24. С. 371], *Работай до ознобу, ешь до поту* [24. С. 369], нацеленности на результат — следует ограничить дела: *Семь дел в одни руки не берут* [24. С. 370]; больше работать, а не отдыхать: *Работе время, а потехе час* [24. С. 370], *Делу время, а потехе час* [24. С. 363].

В ряде русских пословиц подчеркивается необходимость материального вознаграждения: *Всякий труд mzды достоин, За труд не бьют. А награлы дают* [24. С. 377], *Работка грязна, да денежка бела* [24. С. 370]. Пример конверсивных отношений в этой группе пословиц: *Какова плата, такова и работа — Какова работа, такова и плата* [24. С. 378].

Особую группу среди анализируемых пословиц представляет подгруппа «Ремесла и профессии», где чаще всего аксиологическими маркерами выступают прилагательные *хороший — плохой* (*Хороший пастух стада не растеряет, С хорошим поваром в полку жить — не тужить, Хороший повар сам себя хвалит* [24. С. 376]; *У хорошего садовода — хороший сад, Хорош садовник — крупен крыжовник* [24. С. 377]), *добрый* (*Добрый повар и в бою кашу сварит, Добрый повар сначала душу в котёл кладёт, а потом мясо, Добрый повар стоит доктора* [24. С. 376]), *богатый* (*Богат мельник стучком* [24. С. 375]), *счастливый* (*На счастливом охотника как из-под земли зверь идет* [24. С. 375]), существительные *молодец* (*Кузнец — молодец: что ни удар, то гривна* [24. С. 375]) и *бездельник* (*Мельник — не бездельник*: [24. С. 375]), использующиеся для характеристики лиц определённой профессии.

Ряд пословиц, репрезентирующих труд как ценность, включает имя собственное: *Портной Данило что ни шьёт, то гнило; Портной Проня шьёт да порет, Портной Пепка шьёт крепко: от пятницы до субботы без заботы* [24. С. 377], *Нашему Ванюшке всегда под ногами камушки* [24. С. 384], *У лентяя Федорки всегда отговорки* [24. С. 385], но аксиологическими маркерами можно считать лишь те имена собственные, которые включают суффикс субъективной оценки *-к-*.

В пословицах называются атрибуты труда: *соха, веретено, борона, нож* и др.: *Соха кормит, веретено одевает; Соха да борона сами не богатые, а весь мир кормят* [24. С. 370]; *Мастер глуп — нож туп* [24. С. 372].

Анализируемые французские пословицы в значительной степени отражают одну из семантических доминант французских пословиц — индивидуализм, привязанность к своей собственности и первостепенную важность личных интересов (см. также [32; 33; 35]): *Ouvrage de commun, ouvrage de nul* [25. Р. 123] / Общее дело — ничье дело; *L'homme est en enfer qui ne peut plus mettre une borne en un petit pré* [33] / Человек находится в аду, если не может поставить забор на маленьком лугу, где под адом подразумевается коллективизм [25. Р. 33]; *Chacun travaille à son métier* [25. Р. 123] / Каждый занимается своим ремеслом; *Chacun son métier et les vaches seront bien gardées* [25. Р. 123] / Пусть каждый занимается своим делом, и коровы будут в порядке. Отмечается важность хозяйского присмотра для достижения положительных результатов труда: *L'œil du fermier vaut fumier* [25. Р. 33] / Хозяйский глаз (глаз фермера) стоит навоза; *L'œil du maître vaut plus que deux mains* [25. Р. 33] / Хозяйский глаз дороже двух рук.

Во французских пословицах подчеркивается ценность труда, так как, в первую очередь, он кормит и приносит прибыль: *Il n'est si petit métier qui ne nourrisse son maître* [25. Р. 123] / Нет даже маленького ремесла, которое не прокормит своего хозяина; *Celui qui laboure le champ le mange* [25. Р. 34] / Кто вспахивает поле, тот и ест его (плоды); *Il faut semer qui veut moissonner* [25. Р. 35] / Не посеешь — не пожнешь.

Ряд паремий постулирует ценность упорного труда, который помогает справиться с самыми сложными задачами: *À faible champ fort laboureur* [25. Р. 34] / Плохому (слабому) полю — сильный пахарь; *Force paist [nourrit] le pré* [25. Р. 34] / Упорный труд питает луг. Важность любого труда и трудовой деятельности подчеркивается в паремиях *Il n'y a pas de sots métiers, il n'y a que de sottes gens* [25. Р. 123] / Нет глупых профессий, есть лишь глупые люди и *À toute peine est dû salaire* [25. Р. 125] / Всякий труд достоин оплаты.

Ряд синонимичных единиц напоминает о том, что о труде судят по его результатам: *Tant vaut l'homme, tant vaut la terre* [25. Р. 34] / Каков человек, такова и земля (рус.: *Каков пон, таков и приход*); *C'est au pied du mur qu'on voit le maçon* [25. Р. 124] / По основанию стены судят о том, каков каменщик (виден каменщик); *À l'ouvrage connaît-on l'ouvrier* [25. Р. 124] / По работе судят о работнике; *À l'oeuvre on connaît l'artisan* [25. Р. 124] / Мастера узнают по творениям.

О ценности мастерства говорят также паремии *Apprenti n'est pas maître* [25. Р. 124] / Подмастерье — не мастер; *Ce n'est pas maîtrise de faire comme les autres* [25. Р. 124] / Делать, как другие — не мастерство. О том, что представляет собой хороший и плохой работник, свидетельствуют единицы

Bon ouvrier ne viendra jamais tard à son travail [25. Р. 125] / Хороший работник на работу никогда не опоздает и *Mauvais ouvrier ne trouve jamais bon outil* [25. Р. 125] / Плохой работник никогда не находит хорошего инструмента.

Ценность труда может выражаться через осуждение безделья: *Oisiveté est mère de tous les vices* [25. Р. 125] / Праздность — мать всех пороков [43. С. 169], *Au paresseux laboureur les rats mangent le meilleur* [25. Р. 34] / У ленивого пахаря крысы съедают лучший урожай, а также через предупреждение о том, что ленивый никогда не разбогатеет [44. С. 116]: *Jamais paresse n'a acquis richesse* / Ленивость наводит на бедность и *La paresse marche lentement et trouve la pauvreté en route* / Лени ходит медленно и по дороге находит бедность, где ленивый работник представлен как плохой работник. Таким образом, анализ паремий позволяет выделить семантическую доминанту положительной оценки усилий в труде, которые приносят самый долгожданный результат: *Labeurs sans soin, labeurs de rien* [25. Р. 34] / Делать как-нибудь, так никак и не будет; *Qui sème en pleurs recueille en heur [bonheur]* [25. Р. 35] / Кто сеет в слезах, собирает в радости; *Force paist [nourrit] le pré* [25. Р. 34] (в данной пословице *force* обозначает тяжелый труд) / Тяжкий труд питает луг.

Как видно из приведенных примеров, для выражения оценочной семантики во французских паремиях о труде используется ряд языковых средств. В основном их можно отнести к универсальным аксиологическим маркерам, выражающим положительную или отрицательную оценку вне контекста. В некоторых примерах определенную коннотацию они приобретают в контексте: подробнее о данных разновидностях (см. [45. Р. 50, 55]).

Отметим следующие лексические единицы оценочной семантики: прилагательные *bon* / хороший и *mauvais* / плохой, употребленные по отношению к работнику, *sot* / глупый; наречие *bien* / хорошо; единица *le meilleur* / лучшее — существительное, образованное путем транспозиции от прилагательного *bon* / хороший в превосходной степени — в значении лучший урожай; существительные *pleurs* / плач и *bonheur* / счастье, *enfer* / ад (в аду чувствует себя тот, кто не может оградить свой участок земли) и *vice* / порок (о лени). Две последние лексемы получили отрицательную коннотацию сквозь призму религиозного восприятия действительности, послужившего основой для их дальнейшего метафорического употребления.

Отрицательную оценку во французских паремиях выражают также лексемы *paresseux* / ленивый (у которого весь урожай съедают крысы), *paresse* и *oisiveté* / лень — мать всех пороков, из-за которой наступает бедность. Примером контекстуально выраженной отрицательной оценки служит единица *commun* / общий (о деле) в силу индивидуалистской направленности французской культуры и менталитета. Наречие *tard* / в контексте *venir tard à son travail* / приходить поздно (опаздывать) на работу — также имеет в данном случае отрицательную коннотацию. Положительную оценку в контексте пословицы о хозяйском присмотре выражает лексема *fumier* / навоз, так

как он питает и удобряет землю, в результате чего она становится более плодородной.

Среди грамматических аксиологических маркеров важно упомянуть употребление неопределенно-личного местоимения *on* (*on voit* / видно, *on connaît* / узнается) как средства выражения коллективной оценки [46]. Важно отметить, что аналогичное значение выражается употреблением лексем *chacun* / каждый в пословицах о том, что каждый должен заниматься своим делом. Подобную оценку выражают также безличный оборот *il faut* / нужно (*il faut semer* / нужно сеять в значении «нужно трудиться»), сравнительная конструкция *valoir plus* / стоить больше в пословице о том, что глаз хозяина стоит двух рук и просто глагола *valoir* / стоить в ряде приведенных выше паремий. В этом же ряду отметим безличную конструкцию *il y a* / есть, существует, выражающую общепринятую ситуацию менее категорично, путем констатации определенных фактов. В целом для французских паремий не характерна крайняя категоричность трансляции тех или иных принципов и моделей поведения, что объясняет отсутствие в них форм повелительного наклонения.

Анализ материала позволил выявить высокую частотность употребления отрицательной формы глагола: *il n'y a pas* / нет, не существует, *n'est pas maître* / не мастер, *ce n'est pas maîtrise* / это не мастерство, *ne peut plus* / больше не может, *ne viendra jamais tard* / никогда не опоздает. Аксиологический смысл передаваемой коллективной оценки усиливается в последних двух случаях отрицательными наречиями. Таковую же функцию выполняет наречие *rien* / ничто в паремии о том, что работа без старания ничего не стоит (не имеет результата), в которой аксиологическая семантика подчеркивается и употреблением предлога отрицательной семантики *sans* (*soin*) / без (заботы, старания). В подобных примерах предлагаемые в паремиях способы поведения передаются через антисценарии, акцентируя внимание на том, от чего следует защищаться, чего следует избегать или опасаться.

Важным способом передачи аксиологического смысла пословиц является прием контраста, являющийся одной из важнейших характеристик их структурной и семантической организации и обуславливающий их «восприятие и закрепление в индивидуальном и массовом сознании» [47. С. 39]. В нашем материале были выявлены некоторые примеры использования контраста: *faible* — *fort* / слабый — сильный; *il y a* — *il n'y a pas* / есть — нет, *bon* — *mauvais* / хороший — плохой; *apprenti* — *maître* / подмастерье — мастер и др.

Облегчает восприятие и запоминание пословиц, в том числе их аксиологической составляющей, специфическая ритмическая организация, особенностью которой часто является рифма. Во французских паремиях о труде она представлена следующими парами: *fermier* — *fumier* / фермер — навоз;

laboureur — le meilleur / пахарь — лучший; *soin — rien* / забота — ничто; *pleurs — bonheur* / плач — счастье; *paresse — richesse* / лень — богатство.

Аксиологическую функцию имеет также употребление в пределах одной пословицы приема повтора, в частности показателен повтор единиц синонимичных лексемам *труд, работа: ouvrage, labeur*, поскольку привлекает в данном случае внимание к ценности труда. Кроме указанных лексем были выявлены следующие единицы данного синонимического ряда: *métier* / профессия, специальность, ремесло (встретилась в нашем материале 5 раз, помимо упоминания в названии рубрики); *ouvrage* / работа, труд, дело (3 раза); *besogne* / труд, работа, дело (2 раза); *labeur* / тяжелый труд (2 раза); *travail* / работа, труд (1 раз, помимо упоминания в названиях рубрик); *peine* / труд, старания (1 раз).

Следует отметить, что из глагольных ключевых лексем во французских пословицах употребляются глаголы, обозначающие трудовую, в основном сельскохозяйственную, деятельность, самым частотным из которых является *semer* / сеять (8 случаев употребления). Другие глаголы встречаются единично: было выявлено по 2 случая употребления глаголов *récolter* / пожинать, собирать урожай и *forger* / ковать; глаголы *moissonner* / жать, пожинать; *labourer* / пахать и глагол общего значения *travailler* / работать встретились по 1 разу.

Наименования профессий и рода деятельности разнообразны и также обращают внимание на преобладание сельскохозяйственного труда и определенных ремесел, которые были развиты в период создания пословиц. Наиболее частотна лексема *ouvrier* / рабочий, работник (5 раз); по 3 раза встретились названия *barbier* / цирюльник и *mercier* / галантерейщик; по 2 — *médecin* / врач; *maçon* / каменщик; *potier* / гончар. Лексемы *fermier* / фермер; *tavernier* /трактирщик; *forgeron* / кузнец; *cordonnier* / сапожник и общее название *artisan* / ремесленник встретились по 1 разу.

Аксиологическая составляющая паремий с данными компонентами заключается в том, что образы, связанные с трудом, выступают метафорической основой для передачи повседневных житейских ситуаций и часто передают универсальные семантические модели: *Les cordonniers sont toujours les plus mal chaussés* [25. Р. 124] / Сапожники всегда хуже всех обуты (рус.: Сапожник без сапог); *C'est en forgeant qu'on devient forgeron* [25. Р. 125] / Кузнецом становятся в процессековки (рус.: Дело делу учит; Не боги горшки обжигают). Некоторые пословицы напоминают о солидарности и взаимной поддержки среди представителей одной профессии: *Un barbier rase l'autre* [25. Р. 123] / Цирюльник цирюльника бреет (ср.: рус. Рука руку моему), а другие — о зависти и конкуренции: *Le potier au potier porte envie* [25. Р. 124] / Гончар гончару завидует.

В приведенных примерах важно обратить внимание на метафорические образы *le champ* / поля, *le pré* / луг и *la terre* в земля, символизирующие

поле трудовой деятельности, источник пищи и материального благополучия. Образы, связанные с трудом, работой по металлу или по дереву, могут символизировать прочность материала, а инструменты упоминаться в связи с умением и упорством мастера, которое может преодолеть самое серьезное сопротивление: *Au long aller la lime mange le fer* [25. P. 125] / От долгой заточки железо стачивается. Иногда такое усердие может быть избыточным: *En limant on fait d'une poutre une aiguille* [25. P. 125] / Шлифуя бревно, можно превратить его в иглу. Также некоторые атрибуты труда могут символизировать остроту социальных отношений [25. P. 123]: *Il faut être enclume ou marteau* [25. P. 125] / Нужно быть либо наковальней, либо молотом; *Il vaut mieux être marteau qu'enclume* [25. P. 125] / Лучше быть молотом, чем наковальней. Смысл последнего примера в том, что лучше бить, чем быть битым. В некоторых случаях метафоры в таких паремиях передают универсальную структурную модель: *Il faut battre le fer tandis qu'il est chaud* [25. P. 125] / Нужно ковать железо, пока оно горячо (ср.: рус. *Куй железо, пока горячо*).

В материалах по калмыцкому фольклору, зафиксированных И.И. Поповым, выявлено семь образцов, содержащих оценку труда как неотъемлемого элемента человеческого существования, в разделах «Человек», «Знание, мастерство», «Поучения, наставления», «Обман, хитрость». Ниже приведем тексты в записи на тодо бичиг, переложении на современный калмыцкий язык и переводе на русский язык Б.Б. Горяевой.

1. 37(7)

mal asarxalā aman tosutai:

kī asarxalā toloyoi cusutai

Мал асрхла, амн тоста,

Кү асрхла, толһа цуста.

Вырастишь скот — рот в масле,

Вырастишь человека — голова в крови [26. С. 109].

2. 95(182)

uruni urul tosutai:

Урни урл тоста.

У мастера губы в масле [26. С. 120].

3. 96(99)

caldanggīn nüdiin urun:

Цалдңгин нүдн урн.

Неумелый только глазами мастер [26. С. 120].

4. 101(71)

ögöqsön abudaq: tariqsan xadadaq:

Өгсән авдг, тәрсән хаддг.

Что отдали, то возьмут, что посеяли, то пожнут [26. С. 121].

5. 107(115)

zaxūgin gertü tülēn ügei:

zalgidagīn ger-tü xoto ügei:

Залхуһин герт түлән уга,

Зальгдгин герт хот уга.

В доме лентяя топлива нет,

В доме пьяницы¹ пищи нет [26. С. 122].

6. 108(116)

γar ködölküle aman ködöldoq:

Һар көдлхлә, амн көдлдг.

Если руки работают, то и рот работает [26. С. 122].

7. 166(125)

künei γarār moyoi barixu-du kimde:

Күүнэ һарар моһа бәрхд кимд.

Чужими руками легко ловить змею [26. С. 133].

Традиционной формой хозяйствования калмыков является скотоводство, поэтому вполне логично, что в первой поговорке семантика упорного труда передается с помощью понятия разведения скота, результат которого образно описывается как «рот в масле» (старокалм. *aman tosutai*). Данной синтагме, имеющей положительную коннотацию сытой и благополучной жизни в достатке, противопоставляется «голова в крови» (старокалм. *toloγoi cusutai*) как возможный негативный результат воспитания человека. Обозначение масла как символа жизни в достатке является оценочной единицей положительного плана и во втором примере, демонстрирующем связь мастерства в чем-либо, добросовестного труда с благополучным существованием. В третьей поговорке ценность труда утверждается через осуждение отсутствия навыков трудовой деятельности, упорства в труде, включающее оценочную лексику *caldang* 'легкомысленный, поверхностный, беспорядочный' [48. Р. 420].

Следующий пример, вероятно, представляет собой заимствование из русской (или шире — общеевропейской) фольклорной традиции (см.: «Что посеешь, то и пожнешь»), дополненный в начале аналогичной по смыслу и строю фразой «Что отдали, то возьмут» (старокалм. *ögöqsön abudaq*), и отражает представления о земледелии как основной форме труда, что не характерно для традиционной культуры калмыков, хотя в данном случае может иметь значение тот факт, что И.И. Попов записывал материал у донских калмыков, совмещавших скотоводство и земледелие. Аксиологический смысл в пятой паремии усилен через единицы отрицательной семантики, указывающие на антиценности: у лентяя (старокалм. *zaxū*), противопоставляемому

¹И.И. Попов дает перевод «расточитель, прожора» [26. С. 253], что, на наш взгляд, более соответствует смыслу поговорки.

трудолюбивому человеку, в доме нет топлива (старокалм. *gertü tülēn ügei*) как результата труда; таким же образом, у человека, страдающего чрезмерным аппетитом, в доме нет еды для угощения гостей (так в данном случае подчеркивается ценность гостеприимства). Об этом же пишет в примечаниях И.И. Попов: «Топливо надо собирать — труд. А у прожоры, как есть что съестное, пожрет, и нет запаса для угощения людей» [26. С. 253].

В шестом примере утверждается связь труда и сытой жизни в достатке, что указывает в примечаниях и автор: «...если будешь стараться, работать, будет чего есть, если же нет, ничего не будет» [26. С. 253]. Кроме того, интересно то, что И.И. Попов считает глагол *ködölkü* ‘работать’ синонимичным глаголу *köndörkü* ‘двигаться’, о чем говорит в примечании, и соответственно переводит калмыцкий текст как «Если двигается рука, двигается и рот». Также далее он приводит второе, дополнительное, значение данной пословицы: «Отчасти смысл может быть и таков: если старший не старается, не будут стараться и меньшие; станица не хлопочет, хутору не разорваться» [26. С. 253]. В данном случае можно предположить, что лексемы *yar* ‘рука’ и *aman* ‘рот’ как обозначения частей тела человека как индивида семантизируются на следующих уровнях более высокого порядка как старшие — младшие братья-сестры как части семьи, станица — хутор как части на уровне административного разделения. Наконец, в седьмой паремии ценность труда подчеркивается с помощью единиц с негативным оценочным значением (*kimde* ‘легко’, *künei* ‘чужой’). Возможно также заимствование из русской фольклорной традиции: И.И. Попов приводит аналог *Чужими руками легко жар загребать* [26. С. 261].

Таким образом, в приведенных единицах труд оценивается как необходимое условие благополучной жизни в сытости и тепле; с семантикой труда также связана ценность знания (как мастерства в том или ином деле), выявленная во втором и третьем примерах. Все пословицы носят сентенциальный характер: о специфике жанра калмыцкой пословицы, в частности о ее дидактической направленности, пишет И.И. Попов в предисловии к своему труду, указывая, что калмыцкое слово для обозначения пословицы *üliger* также может иметь значения ‘сравнение’, ‘пример’, ‘доказательство примером’, ‘притча’ [26. С. 102].

Касаясь вопроса языковых средств выражения оценочности, можно отметить, что аксиологический смысл передается с помощью различных лексических единиц, выражающих положительную (*tosutai* ‘в масле’, *urun* ‘мастер’) и отрицательную (*caldang* ‘легкомысленный’, *zalkü* ‘ленивый’) оценку. В качестве примера контекстуально выраженной отрицательной оценки можно указать лексему *künei* ‘чужой’ как оппозицию понятию «свой» (старокалм. *öbörön*) в последнем примере. Из грамматических маркеров можно выделить конструкции с условным деепричастием (*mal asarxalā* ‘если вырастить скот’, *kü asarxalā* ‘если воспитаешь человека’, *yar ködölküle* ‘если руки

двигаются’). Стоит подчеркнуть двухчастную структуру некоторых паремий, в том числе с конструкциями с условным деепричастием, скорее всего, выполняющую мнемоническую функцию, т.е. имеющую целью облегчение запоминания текста. Такой тип структуры также является средством ритмической организации текста (см. образцы №№ 1, 4, 5), в пятом примере, помимо этого, использован прием начальной аллитерации (*zaxūgin — zalgidagīn*). Аксиологическая функция реализуется с помощью приема контраста, например, в первой паремии, где результат разведения скота противопоставляется результату воспитания человека; с помощью антисценария, как в пятом и седьмом образцах, демонстрирующего, как поступать не стоит.

Заключение

Сопоставительный анализ русского, французского и калмыцкого паремиологического материала показал, что в трех лингвокультурах доминирует положительное отношение к труду, который представляет собой ценность и неотъемлемую часть человеческого существования, противопоставляемую лени и безделью, выступающих в паремиях как антиценности. В качестве основных аксиологических доминант можно выделить связь труда и сытой жизни в достатке, подчеркивается необходимость стараний и усилий в труде, а также мысль о том, что о человеке и его трудовой деятельности судят по ее результатам.

Важную функцию выполняют компоненты паремий, связанные с трудом и часто служащие метафорическими образами, посредством которых передаются модели поведения в различных жизненных ситуациях. Наименования профессий и рода занятий, а также атрибутов труда, обладающих определенной символикой, разнообразны и обращают внимание на преобладание сельскохозяйственного труда (в основном земледелия в русских и французских паремиях и скотоводства — в калмыцких). Преимущественно в русских и французских паремиях встречается упоминание определенных ремесел, которые были развиты в период создания пословиц.

Во французских паремиях труд воспринимается в основном как ценность, приносящая материальный достаток. Важно отметить, что ценится индивидуальный труд, а не коллективный, что связано с направленностью европейской французской культуры, относящейся к индивидуалистскому типу, что совершенно не характерно для евроазиатской русской и азиатской калмыцкой культур. Предположительно с данным фактом связано и отсутствие категоричности в передаче сценариев поведения и аксиологических доминант во французском материале. Средства выражения коллективной оценки содержат скорее констатирующую информацию или указывают на то, что нужно или лучше делать или не делать, чем прямой призыв к действию, что отличает французский

материал от эксплицитно выраженной дидактической направленностью русских и калмыцких поговорок.

Среди аксиологических маркеров были выделены средства разных языковых уровней: особая ритмическая организация текста, облегчающая его запоминание и способствующая усвоению содержащихся в нем образцов поведения; лексемы с оценочной семантикой; специфические грамматические конструкции; прием повтора и использование контраста, позволяющего, в частности, выразить ценность труда через отрицательную оценку лени, а сценарии поведения — через антисценарии. В русских поговорках к средствам выражения оценки можно отнести имена собственные с суффиксом субъективной оценки *-к-*, где имеет место разнообразие форм словообразования, во французском и калмыцком материале такие аксиологические маркеры отсутствуют, а аналогичный смысл выражается с помощью языковых средств, присущих соответствующему грамматическому строю языков.

Перспективы проведенного исследования состоят в возможности использования предложенной методики в процессе анализа других ценностей с целью установления их места в аксиологической парадигме и выявления семантических доминант различных этносов, принадлежащих к другим европейским, евроазиатским и азиатским культурам.

Библиографический список

1. Пивовар Е.С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. Т. 17. №2. С. 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254>
2. Ma Xiangfei, Seliverstova E.I., Volkova L.B. A Cross-cultural Comparison of Cognitive Styles Used by Chinese and Russian Undergraduates in Comprehension of Russian Texts // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. №2. С. 122–133.
3. Селиверстова Е.И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. №1. С. 115–130. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
4. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: УРСС, 2004.
5. Широкова А.В. От латыни к романским языкам. М.: Добросвет, 2005.
6. Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). М.: Добросвет, 2000.
7. Широкова А.В. Морфология слова как основа типологической характеристики языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. №1. С. 49–56.
8. Широкова А.В. Типологическое взаимодействие грамматических категорий числа и рода в языках флективного типа // Russian Journal of Linguistics. 2003. №4. С. 38–45.
9. Широкова А.В., Новоспаская Н.В. Категория вокатива как периферическое явление БЯС // Russian Journal of Linguistics. 2008. №4. С. 18–23.
10. Широкова А.В. Специфические типологические особенности русской, французской и испанской морфонологии // Russian Journal of Linguistics. 2002. №3. С. 56–66.
11. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремнологических словарей // Когнитивные исследования языка. 2021. №3(46). С. 387–391.

12. *Иванищева О.Н., Мэнцзе Л.* Мир животных сквозь призму народной мудрости // Человек. Культура. Образование — Human. Culture. Education. 2021. № 3(41). С. 106. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>
13. *Ломакина О.В.* Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
14. *Бредис М.А.* Образ денег как отражение макроконцепта богатство в пословицах разноструктурных языков // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2(53). С. 164–171.
15. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Сюэ Б.* Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива четыре как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 1(13). С. 72–82. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82>
16. *Ломакина О.В.* Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 97–107.
17. *Мокиенко В.М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
18. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. 2019. № 3. С. 34–43.
19. *Бочина Т.Г.* Пословица на века молвится: избранные работы по русской паремиологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.
20. *Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
21. *Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
22. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
23. *Иванов Е.Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337 <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4>
24. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
25. *Montreynaud F., Pierron A, Suzzoni F.* Dictionnaire de proverbes et dictions. Paris: Le Robert, 2006.
26. Инеднты калмыцкого фольклора из архива И.И. Попова: несказочная проза и малые жанры / сост., пер. Б.Б. Горяева, С.В. Мирзаева, Д.В. Убушиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021.
27. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В.М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.
28. Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
29. Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
30. Паремиология на перекрестках языков и культур: монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская; под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021.
31. *Зимин В.И., Миронова М.В.* Ономаσιологический аспект рассмотрения русских и французских пословиц // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 107–110.

32. *Нелюбова Н.Ю.* Характеристика человека в русских и французских пословицах сквозь призму индивидуального и коллективного // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2021. № 2. С. 137–148.
33. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
34. *Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Еришов В.И.* Концепты «женщина», «мужчина», «любовь» во французских пословицах (на материале французского языка Франции и Бельгии) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018. Т. 9. № 4. С. 926–943.
35. *Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Еришов В.И.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
36. *Горяева Б.Б.* Калмыцкие народные пословицы и поговорки в аспекте аксиологии // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. Т. 7. № 2. С. 151–156.
37. *Горяева Б.Б., Убушиева Д.В.* Калмыцкие пословицы и поговорки в записи И.И. Попова // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2020. № 1. С. 141–152. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2020-1-13-141-152>
38. *Менкенова К.В., Баринаева Б.В., Салыкова В.В.* Отражение буддийских ценностей в калмыцких пословицах и поговорках // *Успехи гуманитарных наук*. 2020. № 5. С. 239–242.
39. *Оконов Б.Б.* Об идейно-тематическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // *Филологические вести*. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1973. С. 37–61.
40. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
41. *Токарев Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003.
42. *Дитятева Н.В.* Сопоставительный анализ антитетических пословиц о труде и родине (на примере русского и французского языков) // *Военно-филологический журнал*. 2021. № 3. С. 5–12.
43. *Нелюбова Н.Ю.* Репрезентация концепта ТРУД в русских и французских пословицах: ценностный аспект // *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 3(42). С. 165–171.
44. *Солдаткина Т.А.* Языковая репрезентация паремиологических единиц концепта «труд/лень» в английском и французском языках // *Вестник Марийского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 10. С. 114–117.
45. *Jitwongnan J.* L'analyse des adjectifs axiologiques dans les ouvrages touristiques sur la Thaïlande // *Sciences de l'Homme et Société*. 2014. Режим доступа: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01084118/document> (дата обращения: 21.12.2022).
46. *Legallois D., Ferrari S.* Vers une grammaire de l'évaluation des objets culturels // *Schedae*. 2006. № 8(1). P. 57–68.
47. *Бочина Т.Г.* Контраст в тувинских пословицах // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 1. С. 37–46. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
48. *Ramstedt G.J.* *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.

References

1. Pivovar, Y.S. (2019). The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview. *Russian Language Studies*, 17(2), 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254>. (In Russ.).
2. Ma, Xiangfei, Seliverstova, E.I. & Volkova, L.B. (2023). A Cross-cultural Comparison of Cognitive Styles Used by Chinese and Russian Undergraduates in Comprehension of Russian Texts. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 122–133.

3. Seliverstova, E.I. (2022). Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, 1, 115–130. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>. (In Russ.).
4. Meie, A. (2004). *Comparative method in historical linguistics*. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Shirokova, A.V. (2005). *From Latin to the Romance Languages: A Textbook on the History of the Romance Languages*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.).
6. Shirokova, A.V. (2000). Comparative typology of languages with different structures (phonetics, morphology). Moscow: Dobrosvet. (In Russ.).
7. Shirokova, A.V. (2010). Morphology of the word as the basis for the typological characteristics of languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 49–56. (In Russ.).
8. Shirokova, A.V. (2003). Typological interaction of grammatical categories of number and gender in languages of the inflectional type. *RUDN Journal of Linguistics*, 4, 38–45. (In Russ.).
9. Shirokova, A.V. & Novospasskaya, N.V. (2008). To the problem of vocative case category as the peripheral phenomenon of The Balkan Linguistic Union. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 18–23. (In Russ.).
10. Shirokova, A.V. (2002). Typological Peculiarities of Russian, French and Spanish Morphology. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 56–66. (In Russ.).
11. Nelyubova, N.Yu. (2021). Axiological conceptospheres of the French and Russians: on the experience of paremiological dictionaries analysis. *Cognitive Studies of Language*, 3(46), 387–391. (In Russ.).
12. Ivanishcheva, O.N. & Liang, M. (2021). The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer. *Human. Culture. Education*, 3(41), 106–123. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-106>. (In Russ.).
13. Lomakina, O.V. (2022). Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917> (In Russ.).
14. Bredis, M.A. (2022). The image of money as a reflection of the macroconcept wealth in proverbs from typologically diverse languages. *Cognitive Studies of Language*, 2(53), 164–171. (In Russ.).
15. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Xue, B. (2023). Numerical Code of Linguoculture: Analysis of the Numeral Four as a Component of Phraseological Units and Paremiias (Based on Examples of Typologically Different Languages). *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 1(13), 72–82, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-1-72-82> (In Russ.).
16. Lomakina, O.V. (2021). The studying of the proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 7(73)—1, 97–107. (In Russ.).
17. Mokienko, V.M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The world of the Russian word*, 3, 6–20. (In Russ.).
18. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19*, 3, 34–43. (In Russ.).
19. Bochina, T.G. (2023). *A proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.).
20. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>. (In Russ.).
21. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).

22. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguistic and cultural commentary in multilingual proverb dictionaries). *Russian Journal of Lexicography*, 26, 5–30. <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1> (In Russ.).
23. Ivanov, E.E. (2022), Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, 4, 317–337. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> (In Russ.).
24. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). *Folk wisdom: Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
25. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzoni, F. (2006). *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert. (In French).
26. Inédites of Kalmyk folklore from I.I. Popov's archive': non-fairytale prose and small genres (2021). B.B. Goryaeva, S.V. Mirzayeva, D.V. Ubushieva (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS. (In Russ.).
27. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiosyle*. V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. publ. (In Russ.).
28. Paremiology in Discourse (2015). O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: URSS; Lenand. (In Russ.).
29. Paremiology without borders (2020). M.A. Bredis & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
30. Paremiology at the crossroads of languages and cultures (2021). E.E. Ivanov & O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
31. Zimin, V.I. & Mironova, M.V. (2014). Onomasiological study of russian and french proverbs. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 77, 107–110. (In Russ.).
32. Neliubova, N.Yu. (2021). Characteristics of a person in Russian and French proverbs through the lens of the individual and collective. *World of Linguistics and Communication*, 2, 137–148. (In Russ.).
33. Neliubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
34. Neljubova, N.Ju., Semina, P.S. & Kazlauskene, V. (2020). Gourmandise in the hierarchy of values: a case study of french and belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990> (In Russ.).
35. Neliubova, N.Yu., Khil'tbrunner, V.I. & Ershov, V.I. (2019). The reflection of the hierarchy of values in the proverbial corpus of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 223–243. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-24> (In Russ.).
36. Goryayeva, B.B. (2014). Kalmyk proverbs and sayings in the aspect of axiology. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research RAS*, 2, 151–156. (In Russ.).
37. Goryaeva, B.B. & Ubushieva, D.V. (2020). Kalmyk Proverbs and Sayings Recorded by I.I. Popov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*, 1, 141–152. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-20201-13-141-152> (In Russ.).
38. Menkenova, K.V., Barinova, B.V. & Salykova, V.V. (2020). Reflection of Buddhist values in the Kalmyk proverbs and sayings. *Modern Humanities Success*, 5, 239–242. (In Russ.).
39. Okonov, B.B. (1973). On the ideological and thematic content of Kalmyk proverbs and sayings. In: *Filologicheskie vesti*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. pp. 37–61. (In Russ.).
40. Vendina, T.I. (2002). *Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
41. Tokarev, G.V. (2003). *The concept as an object of linguoculturology (based on the representation of the concept "Labor" in Russian)*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
42. Dityateva, N.V. (2021). Comparative analysis of antithetic proverbs about homeland and labor (based on russian and french languages). *Military Philological Journal*, 3, 5–12. (In Russ.).

43. Nelyubova, N.Yu. (2022). Representation of labour concept in Russian and French proverbs: the value aspect. *Cognitive Studies of Language*, 3(42), 165–171. (In Russ.).
44. Soldatkina, T.A. (2012). Language Representation of Paremiological Units in the Concept Labour/Idleness in English and French. *Vestnik a Scientific Journal of the Mari State University. The Humanities*, 10, 114–117. (In Russ.).
45. Jitwongnan, J. (2014). *L'analyse des adjectifs axiologiques dans les ouvrages touristiques sur la Thaïlande. Sciences de l'Homme et Société*. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01084118/document> (accessed: 21.12.2022). (In French).
46. Legallois, D. & Stéphane, F. (2006). Vers une grammaire de l'évaluation des objets culturels. *Schedae*, 8(1), 57–68. (In French).
47. Bochina, T.G. (2022). Contrast in Tuvan Proverbs. *New Research of Tuva*, 1, 37–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3> (In Russ.).
48. Ramstedt, G.J. (1935). *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (In German).

Сведения об авторах:

Нелубова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678

Мирзаева Саглар Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН; *e-mail*: saglaramirzaeva@kigiran.com
ORCID: 0000-0002-8542-0260

Information about the authors:

Natalia Yu. Neliubova, PhD in Philology, Associate Professor, Leading Research Scientist, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6538-8267

Olga V. Lomakina, D.Sc. (Philology), Professor, Leading Research Scientist, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5678

Saglara V. Mirzaeva, PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of written monuments and linguistics of the Russian Academy of Sciences; *e-mail*: saglaramirzaeva@kigiran.com
ORCID: 0000-0002-8542-0260